

18+

ИРИНА НАЗАРОВА

Жизнь на фоне Советского Союза

Ирина Назарова

**Жизнь на фоне Советского
Союза. Художественная
автобиография в прозе и стихах**

«Издательские решения»

Назарова И.

Жизнь на фоне Советского Союза. Художественная автобиография
в прозе и стихах / И. Назарова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Подлинная автобиография рядового советского
человека, родившегося в СССР и там же прожившего большую часть своей
непростой жизни. Дополнительный интерес воспоминаниям придаёт то,
что написаны они поэтом и переводчиком, осмысляющим свою жизнь под
поэтическим углом зрения.

© Назарова И.

© Издательские решения

Содержание

Жизнь на фоне Советского Союза	6
Детство	7
Университет	18
Сергей	25
Узбекистан	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жизнь на фоне Советского Союза Художественная автобиография в прозе и стихах

Ирина Назарова

© Ирина Назарова, 2026

ISBN 978-5-0070-8758-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь на фоне Советского Союза

Художественная автобиография в прозе и стихах

Разумеется, все, о чем я буду писать — правда. То, о чем я умолчу, будет скрыто, но это не будет ложью. Опыт, который получает человек, всегда полезен ему самому и может послужить уроком для других.

Виденья прошлого,
Изжитые желанья,
Высокие и пошлые —
Все в книге покаянья.
Сказать, что боль сиротская —
Грешить супротив истины...
Живу, слегка юродствуя,
Как скоморохи исстари.

Детство

Все начинается с детства, и оно у всех разное: появление на свет младенца — это счастье! Говорят, кто-то появляется на свет случайно, хотя ничего случайного не бывает. Кто-то своим появлением приносит лишние траты и нежелательные хлопоты, кто-то растет сам по себе, раз уж так случилось... В конечном итоге, только время покажет для чего Господь Бог позволил появиться на свет ребенку, который был в тягость своим родителям. Одно остается бесспорным: детство будет сопровождать каждого человека на протяжении всей его жизни и будет руководить его мыслями и поступками, порой непонятными для него самого, и уж тем более для окружающих. Именно детство является дешифратором всей будущей жизни. Будьте с ним осторожны. Простите своим родителям «недетство», и ваша жизнь начнется сызнова, но уже потечет по другим законам...

Я родилась 22 сентября 1951 года в Риге. Мама, Колова Елизавета Степановна и отец, Акопян Геворк Амаякович. По линии отца мои братья Рубен и Артур сохранили родословное древо, по которому наш род восходит к середине 13 века, и всегда деды и прадеды были из духовного сословия. Мой прадед переселился с семьей из Турции в Армению во времена геноцида. Артур утверждает, что древо родословное очень большое. В этом нет ничего удивительного, ведь прошли века и люди разбросаны теперь по всему миру. Тезис, что все люди братья, совсем не надуманный. В нашем роду есть ветка князей Аматауни, знаменитая поэтесса Сильва Капутикян тоже из нашего рода. Дед мой —Амаяк был коммунистом, поэтому убрал из фамилии частицу «тер», хотя до него она присутствовала везде. Он был человеком добрым, хорошим и честным, после смерти моей бабушки он женился на русской женщине Анастасии Васильевне и переехал из Ленинакана в Сочи. Я все это знаю из рассказов мамы, которая до конца своих дней отзывалась о нем с уважением и теплом. Вскоре после моего рождения родители стали ссориться и в 1954 году разошлись окончательно. Я не хочу и не могу их судить. Отец 4 раза пытался меня украсть у мамы и увезти в Ленинакан (Гюмри сегодня), потом в Ереван. Это продолжалось в течение 8 лет. Я уже жила с отчимом, которого называла папой, его матерью и двумя братьями Сашей и Сережей от второго брака мамы. Мы жили на Кипсале, на улице Баласта-дамбис д 14/16 кв. 4. Это было благоустроенное чердачное помещение с двумя комнатами, разделенными кухней и узким небольшим коридором. Дальше была веранда и довольно крутой спуск по лестнице в 14 ступенек. Отопление было печное. У нас был двор на 4 семьи, сараи, в которых лежала всякая утварь и дрова. Прошло всего 9 лет после войны, люди ютились в бараках и коммуналках, так что нам грех было жаловаться на сносные по тем временам жилищные условия. Наш маленький дом утопал в сирени в полном смысле этого слова. Вся Кипсала (так назывался этот кусок суши в Риге) смотрелась как сиреневое облако. Каждый двор в отдельности тоже тонул в сиреновом тумане. Это было волшебно красиво. Со двора мы выходили в огород. Один огород был на уровне дома справа, а другой в низине прямо перед домом. В верхнем огороде росла зелень, клубника, цветы. В нижнем крыжовник, смородина, малина, и что-то по мелочи. В детстве я очень не любила заниматься огородом. Но с годами все стало меняться. Еще одна особенность была в нашем кипсальском районе. Со Старой Ригой, т.е. центром города, нас соединял понтонный мост; буквально 20 минут быстрым шагом через мост и мы в «сердце» Риги. Наш дом и еще два дома перед нашим находились рядом с мостом. Движение транспорта было одностороннее, частных автомобилей почти не было, (по другую сторону улицы текла Двина, а спуск был крутой, примерно 4 метра вниз к реке и выложен огромными гладкими булыжниками.). Сейчас там все по-другому. Если две машины встречались на проезжей части, то аккуратно разъезжались, т.е. давали друг другу возможность проехать. Улицы были старые и узкие. Дорожка к мосту вела по диагонали через небольшой парк, если можно так выразиться, т.к. деревьев там было мало. В наше время все изменилось: вместо

понтонного моста построили современный вантовый мост, который показывают, как визитку города. Дома снесли, нашего дома тоже нет.

В шкафу пылятся старые альбомы —
Полжизни снимков черно-белых лиц,
Вот детство, юность, дверь родного дома,
Кормушки и скворечники для птиц.

Кусты крыжовника, смородины, жасмина,
Дощатый покосившийся сарай,
А под окошком белый зонтик тмина —
Такой далекий простодушный рай.

Оглядываясь в прошлое, бесстрастно
И холодно оцениваю суть
Своих поступков глупых и напрасных,
Но только время вспять не повернуть.

Как я люблю вас, старые альбомы:
В них сотни милых черно-белых лиц
Родных, друзей, и шапочных знакомых,
Котенок Васька и соседский шпиц.

Остыли страсти, отцвели страдания,
На жизнь свою смотрю со стороны,
Так наступает время покаянья,
Раскаянья, признания вины.
Ах, память — дорогая недотрога...

Но давайте вернемся к прошлому.

Тротуар, который уводил в глубь Кипсалы, был узким, в ту сторону мы ходили в магазин. Мне давали карточки для хлеба и бидончик для молока. Продавщицы нас знали и проблем с «отовариваньем» карточек не было. Бабушка в магазин не ходила. Она вообще мало двигалась. Зато на ней лежала кухня, кое-что в огороде и прочие хлопоты по дому. Ковров в нашем доме не было, это считалось мещанством. Все было на уровне «есть из чего есть и пить» и ладно.

Отчим работал на Водной станции прямо напротив дома. Часто к дамбе приставали рыболовецкие суда. Отец приносил домой свежую рыбу. Бывали времена, когда у нас не переводилась красная икра, лососина и сельдь, которую родители мариновали в больших 5-литровых банках. Лососину тоже готовили. Я сейчас вспоминаю это время с двойственным чувством: еда была однообразная, но все же были времена с «икрой и лососиной». Тогда у нас часто бывали застолья с множеством гостей. Так было два или три года.

Мама много работала. Мы оставались вдвоем с бабушкой дома. Я еще не умела до школы читать и считать, но в магазин за хлебом и молоком я ходила. Молоко было разливное, хлеб давали по карточкам. Это была моя обязанность и я с нею справлялась. Иногда меня отправляли в Ленинград к маминой сестре Гале, куда также приезжала из Новосибирска еще третья

сестра, Зоя, которую я очень любила и, которая любила меня. Все три сестры были мне мамами. Я иногда даже не могла ответить, кого я из них люблю больше всех. Тетушки были блондинками, а я кудрявое создание с темно-русыми волосами и карими глазами. Волосы до сих пор у меня сохранились пышными, вот только цвет полинял. Себя описывать трудно, тем более, что я стеснялась своей необычной для Латвии внешности. Говорят, что была очень хороша. Но что-то во мне сломалось, еще тогда в раннем детстве. В детский сад, который находился на улице Слокас, я ходить не любила, я везде чувствовала себя чужой, или обузой, или никому не нужной. Это ощущение преследовало меня всю жизнь. Объяснить это я не умею.

В 1956 году родился брат Сережа. Я долго не могла вспомнить, почему не помню его совсем крошечным, но потом вспомнила: меня отправили на Западную Украину к родственникам отчима практически на год. Это была Ивано-Франковская область, Чемеровецкий район, п/о Гусятин, село Вильхивцы (или по-русски Ольховцы). Я попала в очень добрую, трудолюбивую и сердечную семью: хозяин — дядя Вася Деркач работал водителем, хозяйка — тетя Аня работала в местном сельмаге, с ними жила их родственница тетя Настя, которая занималась хозяйством, а также две дочери хозяев — Валя и Люда. Меня приняли очень хорошо. Я очень быстро научилась говорить и петь на украинском языке. У меня были друзья — Грегор, Лариса, Надя, Саша, Дуня. Чтобы сильно не отличаться от них, я просила заплетать мне косы. Утром мы уходили пасти гусей, в обед возвращались, а потом опять уходили и так все теплое время суток. В наше отсутствие тетя Настя готовила обед на улице или в доме. Хлеб и пироги пекли в печи. Борщ варили на улице или в дома печи. Готовили они очень вкусно. Больше такой вкусный хлеб мне есть не доводилось. Поздней осенью и зимой топили печь. Лежанка на печи была теплая. Мы с Ларисой забирались туда и рассказывали друг другу страшные истории. Летом все готовили на улице, в доме было жарко! Когда темнело мы сидели на лавочке в огороде, или во дворе и пели песни. Это было все настолько ярко, что я и сейчас помню этот двор, дом, мальвы в огороде, георгины, огромное грушевое дерево с мелкими, но сладкими плодами. Ночью, как правило, шел дождь, а утром сияло солнце и было тепло и радостно. Это было лучшее из воспоминаний детства. Но однажды приехала мама. Она увидела, как тетя Настя наливает мне самогон «для аппетита», там было-то пол чайной ложки. Я по — деловому проглотила и стала есть фасолевый суп. Мама «взорвалась» от негодования и стала спешно меня собирать в дорогу, и мы уехали. Низкий вам поклон, мои дорогие вильхивчане, за тот год моей жизни, который я провела у вас, как родная дочка, счастливо и беззаботно.

Потом был первый класс в начальной школе. На мое 7-летие у нас собрались гости. Взрослые сидели за большим столом, а дети в той же комнате — за маленьким. Нам принесли пельмени. Я взяла в рот пельмень и заплакала: там была сплошная соль. Все гости засмеялись и сказали, что это «на счастье». Хоть бы предупредили. Было неожиданно и почему-то неприятно. А что такое счастье, я все равно не понимала.

Бабушка, Ликерия Никоновна, которая не любила меня, а я, соответственно, ее, занималась хозяйством, и внуком. Я была предоставлена сама себе и училась из рук вон плохо в первом полугодии. На зимние каникулы приехала из Ленинграда тетя Галя, которая села со мной за уроки. После каникул я принесла первые пятерки. Во втором классе нам начали преподавать латышский язык. Мы не совсем понимали зачем, ведь все вокруг общались на русском. Рекламные щиты писали на двух языках — русском и латышском. Позднее стали добавлять немецкий, а еще позже и английский.

(А еще мама отдала меня на танцы. Все четыре года я ходила в кружок танцев в нашей школе, оставаясь после уроков, еще ходила на хор. Солисткой не была, но кое-чему научилась.)

Больше я уже обороты не сбавляла. Я хорошо читала, писала, рисовала. Арифметику не любила, эту нелюбовь пронесла через всю жизнь. Моя жизнь в этот период стоит перед глазами, но ничего примечательного в ней нет. Я не посещала никакие кружки или секции, это даже не было принято в те годы, тем более, что родителям было не до меня. Отчим покупал мне в

день зарплаты кукол. У меня их было много, но по-настоящему красивых было мало. Я сама мастерила куклам столы и стулья, шкафы и кровати. Тогда не было игрушек. Отчим учил меня выпиливать детали лобзиком, орудовать молотком и гвоздями. Шить я так и не научилась, терпения не хватало. Да и учить было некому.

Близлежащие дома были тоже деревянными, в них жили мои друзья и подруги. Мы вместе росли, играли, дружили. Это было очень веселое и доброе время, несмотря на однообразное питание, отсутствие телевизоров и красивых вещей и т. д. Время такое было. Всем было тяжело, но мы тогда были все вместе, а это дорогого стоит.

Ригу тех лет описывать трудно. Сейчас она совсем не такая. Этот город был для меня родным. Я в нем любила все улицы, все дома, каждый булыжник мостовой. Любила Юрмалу, (проезд туда стоил сущие копейки). Теплое Черное море мне никогда не было и не стало таким родным и желанным, как холодный Рижский залив с песочным пляжем и сосновыми лесами.

Летом, после окончания третьего класса, меня отправили в пионерский лагерь на Балт-сэзерс (на Белое озеро). Я была дикарка и все время хотела домой. Мне было плохо в таких местах. Нашу пионервожатую звали Ирина Гавриловна. Она меня опекала и утешала, ночью я спала в ее комнатке. Так прошел почти месяц. Когда родители приехали меня забирать, я была рада несказанно.

Отчим часто возил экскурсии на корабле по Даугаве. Однажды мы всей семьей поехали, и я чуть не утонула. Но родителям я об этом никогда не рассказывала. Я до сих пор вижу это место и яму, а может быть обрыв, куда я провалилась. Я выкарабкалась каким-то мифом. Голова болела еще потом несколько часов. Видимо, у Господа были на меня другие планы.

Когда я закончила четвертый класс, у нас в семье появился брат Саша. А меня отправили в восьмилетку (т.е. школу, в которой учились 8 классов). А мне очень хотелось попасть в школу при Академии художеств, но она была далеко и меня никто не мог туда водить. А ведь я рисовала очень много. В год я изрисовывала до 10 и больше толстых альбомов для рисования. Мне хотелось быть художником-иллюстратором. Дома у нас было много книг «по рисунку» и прочее. Особенно я любила рассматривать «Графику Фаворского». Однако этот мой талант не пробился. А может быть и не было таланта. Или все-таки был?

Я привыкла жить разной жизнью, т.е. дома я ходила как туча, а в школе я была свое-нравна, в меру хулиганиста, к тому же хохотушка. Во мне жили два разных человека в полном смысле слова. Переключатель настроения срабатывал автоматически. Родители не ломали голову, как меня воспитать и одеть. У них не было на это времени. В то время мы все были одинаково одеты: школьная форма и никаких импровизаций. В школу надо было идти пешком быстрым шагом 45—50 минут. Зимой мерзли. Две зимы я проходила в коротеньких резиновых красных сапогах, потеряла варежку и боялась сказать об этом дома, поэтому портфель носила попеременно то одной, то другой рукой. Свободную руку отогревала в кармане. (Спросите, откуда я так все подробно помню? Я никогда это не забывала).

Осенью того же года в Ригу приехал мой родной отец и попросил у мамы разрешения на встречу со мной. Мы встретились. Отец много говорил, и уговорил-таки меня уехать с ним в Ереван. Мне исполнилось 11 лет. Мне было плохо дома. Я не думала тогда, что мне может быть еще хуже с мачехой. И я согласилась. На следующее утро мы сели в самолет на Москву. В Москве отец повел меня в магазин и одел с иголки с ног до головы. Я помню во что: это были стильные ботинки, красное платье, отделанное плиссе, бежевое прямое пальто. Прежде ничего не понимавшая в моде я увидела себя совершенно другой. Потом мы поехали в аэропорт. Вот там нас и настигла мама. Она бежала к нам, в руках у нее был полосатый красно-бежевый зонтик, и она набросилась на отца. Нас увели в комнату милиции. Я плакала, а мама с отцом ругались. Одна из женщин, которые разбирали спор, наклонилась ко мне и сказала: «Ты можешь выбрать с кем тебе остаться. Я бы осталась с мамой». Это все решило. Мы уехали в Ригу. Какие чувства я испытывала? Не знаю. Мне было плохо и там. Прошло 3 месяца. Как-

то при выходе из школы я увидела на противоположной стороне улицы отца, незнакомую женщину и двух мальчиков. (Это были Артур и Рубен — братья мои по отцу, с которыми через много лет мы познакомились снова и уже не теряли связи). Скрыться хотелось, но некуда. Пришлось подойти, и мы все пошли к нам домой. Спектакль продолжался и дома. Родители с двух сторон ругались, почти до рукоприкладства доходило, но обошлось... я поняла, что сделка состоялась. Что это было я не знаю до сих пор. До меня дошли противоположные мнения. Не буду ворошить прошлое. Родителей нет в живых. Зачем? Я осталась в Риге.

После окончания пятого класса меня снова отправили в лагерь, теперь уже в Асари (в Юрмалу). Через неделю, когда мама приехала меня навестить, я устроила такой концерт, что ей пришлось меня забрать домой. Больше родители эксперименты не ставили. Тем же летом (мы жили прямо у реки я научилась плавать. Сама. А вот нырять и прыгать с вышки меня научили наши соседские мальчишки, с которыми мы вместе росли, ходили в школу и играли в футбол. Папа работал на Водной станции. В его распоряжении была канонерка (небольшой военный корабль), которую использовали в мирных целях, как прогулочный и экскурсионный. Он водил еще большой спасательный катер, и амфибию, которая стояла в гараже Водной станции, но всегда была в нашем распоряжении, если надо было выехать за город, например, в лес за грибами или ягодами. Это было то еще зрелище: Папа за рулем, мама, тетя Галя и тетя Зоя, я и оба брата размещаемся как хотим и едем на боевой машине в лес. Женщины поют, дети думают о своем. На катере мы тоже выезжали в залив и не раз. Так что поездила я на этих средствах от души. Меня научили кататься на водных лыжах, ощущение незабываемое. Там же на Водной станции были и шлюпки напрокат, для нас — бесплатно. Я и греблю освоила. А зимой река замерзала, и мы всей семьей и соседскими ребятами катались на коньках. Дома тоже было чем заняться: у нас было печное отопление и мы с отцом часто пилили дрова. К лету он купил мне велосипед. Кататься я научилась быстро: мы вышли с ним на дорогу, он заорал на меня так, что соседи повысовывались из окон: «Давай, быстро садись и крути педали!!» Я непроизвольно все сделала и поехала, больше мне уже учеба не была нужна. Я лихо разъезжала на велике. Спорт мне нравился всегда. Благо, что все секции в СССР были бесплатными. Я пробовала себя во всех видах спорта. Но надолго я задержалась в секции по фехтованию, потом на художественной гимнастике, плавать я и так плавала, попутно играла с мальчиками в футбол и в волейбол. Честно признаюсь, домашняя работа была не для меня. Учить меня было некому, а от ощущения «нелюбви» мне всегда хотелось сбежать из дома и появляться там только под ночь. Сколько бы меня ни ругали, я все равно ничего не любила делать по дому, как будто это был не мой дом, а чужой. У меня была обязанность: забирать Сережу из детского сада, который находился весьма далеко. После школы я приходила домой, оставляла портфель и шла пешком за Сережей. Мы не были приучены кататься на автобусах без взрослых. Мне было 10 лет, а Сереже 5. Я ходила так два года. Сережка был ко мне очень привязан. Говорить он начал поздно. Первое слово, которое он сказал было не мама, а И-И, он меня так называл довольно долго, потом стал называть еще короче, просто — И. Сейчас я вспоминаю о своем доме с большой теплотой, но просить прощения уже поздно. Не у кого.

В конце пятого класса у меня появилась подруга, которая заметно повлияла на мою жизнь. Ее звали Таня Виноградова. Она была отличницей, а я — перекасти-поле. Мама Тани была рентгенолог, отец — журналист. Семья была интеллигентная, в доме было много книг. Я уже читала в то время книги, но очень бессистемно. Ходила в библиотеку, брала, что глянется. Чем я привлекла Таню? Я была спортивная: плавала, ездила на велосипеде, скакалка была моим вторым я, обруч тоже, я самостоятельно занималась акробатикой и т. п. А Таня была единственный ребенок в семье, ее холили и лелеяли. Таня научила меня понимать и читать книги. Это стало смыслом моей тогдашней жизни. (В шестом классе мы с Таней и пошли в спортшколу на фехтование и ходили туда больше двух лет). По физкультуре у меня никогда не было оценки ниже пятёрки. Но еще увлекали меня литература, история, география и немецкий

язык. Если б вы знали, какое для меня счастье, когда родители дали мне деньги на глобус. Я изучала его самостоятельно. Интернета не было и в помине. Все я читала по книгам. Знала наизусть все столицы мира. Так бывает только тогда, когда вас что-то очень сильно притягивает. Интерес к географии я утратила, когда пришла другая преподавательница. Но все прочие интересы у меня все-таки остались те же.

Мы были очень дружны с Таней, хотя у меня была еще одна интересная подружка — Женя Ежевская, теперь она Валишевская и живет в Риге. Изредка мы перезваниваемся. Женя имела массу талантов, она тоже очень хорошо училась, но еще она самостоятельно изучала итальянский язык, переписывалась с итальянцами, но языком овладела, благодаря своему характеру. Я чуть прикоснулась к итальянскому тоже, что мне пригодилось в дальнейшем. У нас была интересная компания девочек, которым не хотелось быть пайныками. Но интересно и другое: я не ходила никогда на танцы (это сейчас называется дискотеккой), и еще — мне не были интересны люди малограмотные, я всю жизнь тянулась вверх. В этом смысле я интуитивно выбирала тех, кто был выше меня по интеллекту. Совсем забыла: мама очень любила музицировать. В нашей семье появился хороший немецкий аккордеон *Weltmeister*. Мама в свободное время пыталась научиться играть на нем. Я тоже потихоньку разбирала нотную грамоту. Кроме этого у нас были две гитары, но семиструнные. Я научилась себе простенько аккомпанировать.

Как я уже и говорила, благодаря Тане, я увлеклась мировой классикой. Но в наших отношениях стали появляться и трещины. Как это бывает с подростками, мы любили бросать вызов обществу и отстаивать свои маленькие права. Детей в этом возрасте упускать нельзя. Руководство школы смотрело на наше поведение неодобрительно. Отчима часто вызывали в школу, поскольку мама, вообще, школьными делами не интересовалась. Она была фактическим кормильцем семьи, т.к. отчим был добросовестным работником, но зарабатывал немного. Мама работала в оформительском цехе комбината «Максла». Ей приходилось ездить на оформление выставок в разные города Союза. Летом она брала меня с собой на ВДНХ в Москву, где группа художников оформляла ежегодно Латвийский павильон. Мне это нравилось. Там было тоже много интересных людей. Совсем другая обстановка, другие разговоры и проблемы. Я была одинока в своем мирке, но ведь у меня была еще тетя Зоя! Она работала зав. библиотекой самой крупной газеты Новосибирска «Советская Сибирь». (Книг на прилавках было немного, с годами они и вовсе стали дефицитом). Когда мне надо было приобрести какую-нибудь книгу, я писала ей, что я хочу и через 7—10 дней получала желаемое. Потом тетя Зоя стала оформлять на нас подписки на собрания сочинений. К сожалению, мне мало что перепало, но опыт был бесценный. Возможно, мое увлечение книгами стало моей жизненной опорой, потребностью, смыслом жизни на определенном этапе, что помогло мне в подростковом переходном возрасте перешагнуть этот порог, не уронив достоинства и не свернув на скользкую дорожку.

Лето перед 7-м классом выдалось дождливое. Все друзья разъехались кто куда. Я сидела в своей каморке, куда меня перевели из большой комнаты, и радовалась, что никто меня не достает. В бывшем коридоре была небольшая ниша, которую переделали в мое убежище. Там поместился диван, вплотную поставили небольшую этажерку, откидной, как в купе вагона, столик, а под ним калорифер, который я включала в холодное время года или в случае, когда было очень сыро. Вот там я и жила фактически. Если у меня появлялась мелочь в руках, я бежала в центр города, где находился магазин-букинист, и на свои гроши покупала самые дешевые издания мировой классики. Она так и называлась «Дешевая библиотека». Книги стоили от 5 копеек до 30 копеек. На другие я даже не заглядывалась. Мне очень хотелось иметь Собрание сочинений Гейне, но оно стоило 5.50 р. Это была для меня сумма заоблачная. Зато я стала читать его стихи, и мне самой захотелось писать. Но у меня не получалось. Все три месяца каникул я сидела и читала книги. Я научилась прекрасно писать сочинения, слегка повзрослела, и несмотря на веселый нрав, в душе была по-прежнему абсолютно одинока.

Мы считались старшими в восьмилетней школе. К нам относились соответственно. Я помню практически всех своих учителей по именам, но благодарна лишь некоторым. Нашу учительницу по русскому языку и литературе звали Вера Николаевна Пищулина. Это она первая объяснила, что такое поэзия. Но я усвоила для себя одно правило на всю жизнь: если хочешь по-настоящему во что-либо вникнуть, займись изучением этого всерьез.

Нас готовили к вступлению в комсомол. Однако мне не суждено было в него вступить в ближайшие два года. Все шло как обычно, но однажды у нас случилось ЧП. Наш любимый учитель по физкультуре Виталий Аронович, с которым мы ходили в походы с ночевками, которого мы обожали, неожиданно несправедливо сорвался на одного из наших одноклассников и выгнал из спортзала. Мы решили ответить и в знак протеста не пошли на кросс. Началось разбирательство. Мы с Женей и еще с парочкой девочек просто не пришли, а Виноградова пошла, села в парке на скамейку и продемонстрировала всему педсоставу, который проходил мимо, свое «ФЕ». Это был спусковой крючок. На родительском собрании нас с Виноградовой хотели исключить из школы, а вступить в комсомол, в который все тогда стремились, ... Об этом не было и речи! Однако, нам остался последний год учебы и нас милостиво оставили. При этом наша классная Васильева Екатерина Николаевна, выгнала меня со своего урока физики и не позволила появляться весь год. С Виталием Ароновичем мы помирились, конфликт разрешился. Я думаю, мы все вспоминаем об этом человеке с теплом и благодарностью. Лучшего учителя по физкультуре у нас ни у кого больше не было ни в школе, ни в университете.

К концу учебного года я выучила учебник физики от корки до корки и пришла к «физичке» Екатерине Николаевне сдавать экзамен. Она гоняла меня по всему учебнику, задавая кучу вопросов, потом сухо что-то буркнула, и поставила мне три балла. Вот так я закончила восьмилетку.

Танины родители, обменяли квартиру и уехали в другой конец города. и Таня стала ходить в другую школу. А я стала думать, какую десятилетку выбрать. Все школы находились на одинаково далеком расстоянии от нашего дома.

В июне я поехала к тете Гале в Питер, куда я и так часто навещалась, и пробыла у нее почти месяц. Родители надеялись, что я захочу там остаться и учиться дальше. Я их порыв не оценила. В душе анархистка, я не любила Питер. Он мне казался слишком «партийным» и «коммунистическим», а я все-таки не была дисциплинированной в худшем смысле слова, т.к. считала себя «кошкой, которая гуляет сама по себе». Это тоже был подростковый максимализм, отсутствие воспитания, и неумение видеть и предвидеть. Через месяц я вернулась в Ригу, словно «из заключения» и снова забилась в свою каморку.

Правда, было еще одно событие: в июле мы с бабушкой и братом Сережей еще раз поехали в Вильхивцы на свадьбу Вали. Лето было, как всегда на Украине, теплое. В селе ничего не изменилось. Это было изумительное незабываемое путешествие, и свадьба была замечательная. Я снова увидела своих друзей. Было так хорошо, как будто мы и не расставались никогда. Но жизнь всех развела. Мы ведь были тогда слишком юными, чтобы представить, какой она будет эта жизнь.

В качестве следующего учебного заведения я выбрала 26-ю школу, которая находилась в районе Агенскалнского рынка. Я не подозревала, что школа математическая. Это стало для меня ударом. Я в математике была слаба. Но в какой класс я попала! Все ребята и девочки в классе как на подбор были красивые, умные и воспитанные. Для меня это был первый шок. Я-то была дитя улицы. Единственное, что мне помогло выжить — это начитанность. Уроков математики у нас было много, каждый день по 4 урока подряд. Вела математику Евгения Марковна Тагер. Весь класс считал количество сред в четверти, поскольку только в среду можно исправить только одну двойку. Под ее кабинетом в среду вповалку сидели, стояли, лежали все девятые классы. Я умудрилась ответить ей на пять. Этим я подписала себе смертный приговор:

она поняла, что я лентяйка и не хочу напрягаться. Она стала мне за каждую ошибку ставить двойки. Я устала. Ведь я четко понимала, что математика — не мое!

(У Евгеша была своя методика преподавания. Она сразу выделяла в классе самых способных и приглашала к себе домой, где они продолжали заниматься, только углубленно. С ними вместе занималась и ее дочь Люба, которая впоследствии, через много лет будет вести кружок «Шахматы» у моего сына Максима.)

В 26-й школе была еще одна интереснейшая традиция: 4 раза в год устраивали вечера для старшеклассников и преподавателей. Эти вечера назывались «Бригантина». Туда хотели попасть очень многие из других школ Риги. Это было, действительно интересно. Не будем на этом останавливаться, поскольку то, что было редкостью в те далекие годы, с лихвой восполняется современными шоу, но у нас не было пошлятины, было весело и интересно без нее. Однако, «засилье» математики не входило в мои планы. Меня по-прежнему интересовала литература, искусство, музыка, языки. Закончилась первая четверть, я забрала документы и отнесла в другую школу. Что примечательно: на тех знаниях по математике, которые я получила от Евгении Марковны я «проехала» и 9, и 10 классы, а Евгения Марковна, как мне сказали позже, даже собрала класс и сказала, что я ушла из-за равнодушия класса, но это не так. Я просто не могла столько времени уделять бесполезному для меня предмету. Физику я тоже ненавидела всей душой, слава Богу, новая учительница физики, Ася Петровна, была в некотором роде философом и прощала мне это.

Было еще одно важное обстоятельство, которое меня очень тормозило и развивало одновременно: мама пригласила учителя по фортепиано для моих братьев, а я выпросила 1 раз в неделю для занятий и через полгода играла двумя руками «Полонез» Огинского. Мне так хотелось научиться играть! Я не стала пианисткой, но я стала понимать музыку, нотную грамоту и т. п.

А еще я терзала тетю Галю, и она привозила мне из Ленинграда пуанты. Я все пыталась на них встать. Ставила в ряд стулья и пыталась, опираясь на спинки, между ними ходить. Делала я это нерегулярно, наобум, да что там объяснять... Сами попробуйте, тогда поймете. Это опять же мой принцип: все пропускать через себя.

Но как в новой школе преподавали литературу, историю! Это нереально! Это было то, что мне нужно было! И я очень быстро вписалась в новую обстановку. Учитель истории Лидия Сергеевна Прокофьева научила нас писать конспекты, весь класс знал и любил ее предмет! А как она рассказывала! Словом, наконец-то я нашла то, что искала! У меня появилось много друзей и подруг. Одна из них стала моей подругой на всю жизнь. Ее звали Таня Свирина (в замужестве Тюрина). Это была удивительная девочка. Когда Таня была в 5 классе, у нее умерла мама. (Я запомнила ее еще по 8 —летней школе, мы учились в параллельных классах). Таня казалась спокойной, рассудительной, ответственной и умела сдерживать мои порывы. Она прекрасно шила. Сначала ее учила родная мама. Когда мамы не стало, ее учила мачеха Фрося, которую в свою очередь тоже учила шить мачеха. Танечка обладала прекрасным вкусом, и я обычно давала ей деньги на ткань, а она покупала что надо и делала лучше всякой фирмы. Мы в чем-то были очень родственны, но я была быстрая, непослушная, а Танечка как-то успокаивала меня. Мне было уютно и тепло в ее обществе всегда. В ее классе тогда учился некто Вова Кучеров, личность легендарная. Мы к нему еще вернемся. Вова ухаживал за Таней и называл ее Тано. Соответственно, мы тоже привыкли Таню так звать.

Не хочу возвращаться в прошлое,
но туда, как магнитом тянет,
без тебя мне сегодня тошно,
золотая подруга — Таня.

Помнишь, как мы учились в школе,
все с тобой пополам делили
Даже вместе влюбились в Колю,
но поддружеству не изменили.

Вспоминается снова, снова:
небо, звезды, асфальт нагретый,
Помню даже Гринька Смешнова,
он тебя обожал безответно.

Помню все до мельчайшей точки,
помню свадьбы, детей, прощанье...
Сыновья... А была бы дочка,
я ее назвала бы Таней.

В новой школе мы все оказались в одном классе. 9 класс я окончила сравнительно неплохо. Мне хотелось уже стать историком, как Лидия Сергеевна. Но она меня остановила: «Ира, история наука интересная, но ведь ты так не любишь читать газеты, политические и экономические статьи, а на том факультете придется все это конспектировать... подумай».

Разбирать литературные произведения мне тоже не нравилось. Я решила подумать насчет факультета иностранных языков, как его называли «инъязы». Попасть туда было просто невозможно! Но у меня еще был год впереди. Десятый класс преподнес мне много сюрпризов.

Я по-прежнему занималась музыкой с Мироном Моисеевичем. Братья отказались. Саша сказал, что хочет играть на скрипке. Мама купила скрипку. Потом он тоже отказался от музыки. Но у обоих остались навыки игры на фортепиано, а Сережа самостоятельно освоил гитару. Даже писал неплохие песни. Он играл на гитаре, вернее брэнчал и осваивал до автоматизма гитару по несколько часов ежедневно. Согласитесь, это не так-то просто, и говорит о многом. Сережа учился средненько в школе, но он прекрасно рисовал. Это осталось незамеченным. Хотя я видела, что у него данные были лучше моих. Больше всего внимания и любви досталось Саше. Он был очень красивым ребенком и очень ласковым, как в песне «... он женщин обожал еще с пеленок». Когда ему было пять лет, он упал с окна второго этажа и попал в реанимацию. После этого родительское внимание к нему удвоилось, сейчас, когда я сама мать, я понимаю все и всех.

В десятом классе я захотела попробовать себя в Академии художеств. Мама устроила мне встречу с руководством. Меня попросили показать свои рисунки. Я принесла карандашные портреты Цвейга, Пушкина, Ленина у карты ГОЭЛРО и «Всадники» Брюллова. Меня взяли. Учиться надо было 3 года, потом выдержать экзамен. После школы я брала нужные мне «инструменты» и отправлялась 2 раза в неделю на занятия в Академию художеств. Наш преподаватель, мужчина лет 30—35, не обращал на нас никакого внимания. Сначала учил штриховке, потом ставил на освещенное место геометрические фигуры и уходил. Мы проводили там по 4 часа. Когда наша группа, наконец, поняла, что мы всем «до лампочки», мы стали халевить. Я прекрасно понимала, что не смогу состязаться с теми, кто окончил художественную школу, тем более, что брали по 2 или 3 человека на одну специальность. Мой пыл стал гаснуть. А тут мы с Таней зачастили на каток в воинскую часть, где служил капитаном ее отец. Какая Академия!? Но опыт не помешал. Я приобщилась к истории искусств, ходила по музеям регулярно и по много раз. Собирала и читала книги по искусству. Они и сейчас у меня есть.

А еще, у нас Новый год был всегда потрясающим праздником. Мы к нему готовились задолго до его прихода: шили карнавальные костюмы, оформляли комнату, причем всей семьей. У нас были приготовлены выступления и подарки. Эту традицию я пронесла через всю жизнь. К 12 ночи на Кипсале раздавался звонок в дверь и...! Приходили Дед Мороз и Снегурочка. Это была тетя Галя и одна из ее подруг. Они специально подгадывали рейс самолета из Питера в Ригу, плюс время на то, чтобы добраться и всегда получалось прибыть вовремя! Переодевались они у нас во дворе или прямо на крыльце. Хотя мы и знали, что они приедут, но все же это всегда было, вроде, неожиданно. Что касается продуктов, то их надо было «доставать»: майонез, зеленый горошек, мандарины и апельсины и прочее на прилавках не лежали. Хотя Ригу обеспечивали неплохо. Все равно было не до жиру. Но вот праздничное настроение Было!.

С нами часто проводил время наш друг Вова Кучеров по прозвищу Ягодка. Это прозвище прилипло к нему на всю жизнь. Вова был человеком своеобразным. У него с детства на все было свое мнение. Если и был авторитетом кто-то для него, то это считалось событием. Он очень любил женское общество, наверное, это что-то врожденное у него. Единственный друг был у него — Валера Анисимов из параллельного класса. Но однажды Вовку исключили из школы за хулиганство. Дело в том, что мы сидели на уроке химии, а наш учитель Владимир Николаевич, невозмутимый и спокойный, разрешил Анисимову набрать воды, т.к. в этом классе-кабинете по химии — были краны. Анисимов пришел с ведром. Ягодка набрал ему ведро воды и окатил его же этой водой. Владимир Николаевич и ухом не повел, только сказал: «Владимир, не шали», тем более что оба друга радостно ржали. Но Вовке это не забылось. Однажды он метнул табуретку в дверной проем, и она в щепки разлетелась. Этого уже не простили, хотя мы всем классом ходили к директору заступаться за него. Ягодка не был отъявленным хулиганом, скорее его можно было назвать флегматиком. Но... Осталась последняя четверть учебы в 10 классе. Было обидно. У Ягодки было много талантов, очень много, но один из них его выделял особо: у него был абсолютный слух. Он научился играть на гитаре, освоил нотную грамоту, но для этого работал по 12—14 часов. Любое произведение он мог воспроизвести на гитаре. Почему ничего не получилось? Об этом позже.

Подошло время экзаменов. Я все сдала очень хорошо, кроме математики. Слава Богу, что сдала. Потом я пошла в университет в приемную комиссию. Сдала документы. На следующий день пришла и забрала. Что меня толкнуло — не знаю, но потом все встало на свои места. Обо всем по порядку.

В наше время все поступления в институт были делом сложным. Давать взятки мы не умели, да и нечего давать-то было. Надеялись на собственные силы. Танечка подала документы в техникум на экономическое отделение. Моя одноклассница и соседка Лида пошла на заочное отделение в торговый институт, но она тем же летом устроилась работать на базу и меня уговорила. Я подумала, что надо с чего-то начинать. Через месяц я сбежала оттуда. Мы все время сидели и считали товар, потом разносили какие-то бумажки-документы. Эта работа была явно не для меня. Я уволилась и решила, что надо влиться в рабочий класс. При Академии Наук существовало такое ОПВУ — опытное предприятие вычислительных устройств. Туда меня мама и определила. Самому старшему — Директору — было 40 лет, Мне, Тиме и Сергею по 17 лет. Остальные — между этими цифрами. Я должна была делать вручную трансформаторы, кто-то паял платы, у каждого была своя работа. Коллектив был очень хороший. Нас было человек 20 в нашем цехе. Мы вместе ходили в театры, филармонию, на концерты. Насчет поступления в институт я еще размышляла. Но однажды мне сказали настолько нелिцеприятную вещь, что решение само собой пришло. У нас был в коллективе некто Гриша, который однажды что-то грубо мне сказал, я отреагировала сразу же. Тогда он повернулся и сказал: «Когда ты будешь что-то из себя представлять, кроме мордашки, тогда и отношение к тебе будет другое». Я задумалась. Вечером я сказала маме, что хочу пойти на подготовительные курсы в универ-

ситет. И пошла. Я ходила три раза в неделю на эти курсы после работы. Возвращалась домой к 23 часам. Дорога к дому была безлюдной. С одной стороны — дорога с высоким забором, за которым располагались склады. С другой — была крошечная гавань. Там находился Речной вокзал. Идти было неприятно, но меня никто никогда не встречал и особенно не волновался. Зато на курсах сформировалась наша будущая группа. Мы поступили все. Я доработала год, Педагоги с нами перезнакомились. Да и мы уже узнали за год друг друга. В июле я уволилась с работы и стала готовиться к поступлению. Отчим шипел на меня, т.к. я не вставала с постели и зубрила историю, а он считал, что с утра до вечера валяюсь в постели и ничего не делаю. Немецкий учить было бесполезно, все равно дали незнакомый текст для перевода и пересказа. Литература меня тоже не пугала, сочинение я отлично написала. А вот история... Я сдала ее на 4, мне бы сейчас поставили 10, а не пятерку. Я ответила на все вопросы, но забыла, где, кроме Германии, еще в Европе вспыхнула революция в 1918 г. Забыла, что в Венгрии. А ведь в билете у меня был материал по Борису Годунову, потом про все революции. Словом, сдала. Ждали результат.

Университет

Поступила! Немецкое отделение состояло из четырех групп: две с латышским языком, две с русским. Чуть больше 40 человек. На первом и втором курсах был отсев. К пятому курсу нас осталось в нашей группе от десяти только пять человек. И так почти во всех оставшихся трех группах. Нашего куратора звали Маркова Элла Константиновна. Она мне привила любовь к немецкой поэзии. Позднее, когда я сама переводила немецких поэтов, она читала своим студентам мои переводы. Она была моим первым учителем и очень строгим цензором: ругала меня за небрежность, за несобранность и т. п. («Брежной» я так и не стала). Она занижала оценки и не скрывала почему. При этом она всегда говорила, что я слишком умная, чтобы быть легкомысленной, каковой меня считали многие из-за веселого нрава. При этом дома меня называли мрачной. Вот такой диссонанс.

Не могу не коснуться больного в то время вопроса: как мы одевались? Средненько. В магазинах ничего приличного или модного не было. Если что-то «выбрасывали» на прилавок, собиралась огромная очередь на несколько часов. Доставали все «по благу» или за очень большие деньги. В ателье были очереди, чтобы сшить более ли менее приличные вещи. Рига — портовый город, было много фарцовщиков, которые продавали втридорога джинсы, и прочую одежду, и обувь. Прилавки с продуктами были тоже бедноваты. А вот в кафе можно было днем посидеть очень дешево. На чашечку кофе хватало всем, она стоила 9 копеек. Мы часто бегали на улицу Дзирнаву в кафе-мороженое. Впрочем, к 72-му году цены резко подпрыгнули и кофе сразу стал стоить 50 копеек. Это было существенное подорожание. Но в студенческой столовой питание было очень дешевое. Стипендия у меня была 35 рублей в месяц. Это было не много и не мало. Проездной билет на все виды транспорта стоил 5.50. Если купить только на трамвай — 3 копейки, автобус — 5 копеек или троллейбус — 4 копейки по отдельности, то намного дешевле. Я отдавала стипендию маме. Себе оставляла 5 рублей. Конечно, мы не шиковали, но жили веселее.

Было еще одно событие, повлиявшее на мою жизнь: мама привезла осенью того же 1969-го года из Новосибирска в Ригу тетю Зою, которая болела, и мама не смогла бы часто туда летать. Квартиру в Новосибирске обменяли на квартиру в Риге на улице Московская (теперь она называется иначе). Это была холодная квартира в старом фонде с печным отоплением на первом этаже каменного 4-х-этажного дома. Меня поселили к тете Зое. Без ее согласия, как я поняла позже. Я была и ей в тягость, как мне казалось, а я на тонком плане очень чувствительная, и дома мне тоже некуда было деваться. Постепенно мы притерлись друг к другу. Но мне было тяжело с ней. От прежней тети Зои остались воспоминания: она в 50 лет оказалась вдали от родины — Сибири. Приживалась очень тяжело. Пенсии не было еще. Мама устроила ее номинально к себе в комбинат. Но ведь зарабатывать надо было на двоих маме одной. Через пять лет тетя Зоя немного успокоилась, т.к. мама сумела сделать ей пенсию в 120 рублей. Это была очень хорошая по тем временам пенсия. Жить можно было безбедно. В наше время об этом можно лишь мечтать. Я поверяла тете Зое все свои нехитрые секреты. Постепенно она стала оттаивать. Но иногда у нее были такие приступы ярости, что я стала ее бояться. Об этом позже.

Первый год учебы был тяжелым. Надо было приходить в институт к 8-ми утра. Обычно было 3 пары с перерывом на 20 минут. Лекции нам сразу начали читать на немецком. Все предметы велись на немецком, кроме общих лекций, куда приходили немцы, англичане и французы. Там, разумеется, использовали русский. Зато нас объединяли с латышскими группами на зарубежной литературе, истории и культуре Германии и вели эти предметы на немецком языке. Училась я неровно, но задолженностей не имела и все старалась сдавать вовремя. На мой взгляд, с физкультурой в Риге было поставлено в вузе правильно: мы сами выбрали секцию.

Кто-то пошел на теннис, кто-то на плавание, а я — на художественную гимнастику. При этом был отбор. Я четыре года отходила на гимнастику. Был один нелюбимый предмет — медицина. Четыре года по четвергам мы посещали занятия по медицине. Я не просто не любила ее. Ненавидела! Но деваться было некуда.

(На четвертом курсе у нас был госэкзамен по медицине. Я даже там отличилась тем, что озвучила свое отношение к ней. А напрасно. Жизнь меня сталкивала с медициной все время, пока я не изменила своего отношения к этой науке).

По окончании первого курса мы ездили всем факультетом в Сигулду (ее называют еще «латвийской Швейцарией»). В нашей группе была такая Лариса Сильченко. Она приехала в сопровождении двух парней, двух Валер. Один из них бросался в глаза своей яркой внешностью: роста он был небольшого, темноволосый со светло-зелеными глазами. Ему было 23 года. Он сразу начал активно ухаживать за мной. Может быть, на тот момент я, действительно, выглядела старше своих лет (мне было 18), но это сейчас не имеет значения. Короче, что-то меня отталкивало от него. Не знаю, что. Наверное, по прошествии стольких лет я понимаю, что именно отвратило меня: он неприкрыто, намеками и прямым текстом давал мне понять, что ему нужен интим. А мне-то он нужен не был. Не то воспитание. И вдруг я почувствовала жуткое отвращение к нему. До тошноты. Я разговаривала грубо, но, видимо, он трактовал это как-то на свой лад. Он мне звонил (телефон взял у Ларисы), я старалась обходить острые углы и придумывала массу причин для отказа. Такого рода поклонников у меня было много, никто из них не понимал причину моего странного, с их точки зрения, поведения.

Летнюю сессию мы сдали успешно, хотя готовились к экзаменам в Юрмале. Тогда это было все очень доступно. Сел на электричку и через 15 минут ты в Булдури. На песочке у моря мы и готовились к сессии.

Я обожала Юрмалу. Если бы меня сейчас спросили, где бы я хотела прожить остаток дней, я бы ответила «у моря, в Юрмале». Вообще мне было хорошо в Риге. Я любила этот красивейший город. Мне тетя Галя предлагала поступать в Питере, но я в то время вне РИГИ себя не мыслила. Мы с мамой часто вдвоем ездили в Юрмалу. Иногда я ездила туда вместе с тетей Зоей. Кстати, однажды мы с мамой встретили Валеру на пляже. Он был в компании друзей. Он кинулся ко мне, а у меня внутри ничего, кроме досады, не было. Мама была под впечатлением и говорила мне, какая я глупая, какой интересный и воспитанный парень. Меня это не трогало. Ну не нравился он мне!

Однажды, когда мы с мамой возвращались в Ригу в переполненной электричке, я оказалась рядом с молодым человеком, которым оказался мой бывший одноклассник по математической школе Володя Тищенко. Он был высокого роста, подтянутый, сероглазый, вроде ничего особенного, но улыбкой он сражал наповал. Он мне и в школе нравился, во всяком случае, я его выделяла из всех молодых людей. Мы заговорили, и пошли потом гулять, заверив маму, что все будет в порядке. В те годы беспредел любого характера был делом редчайшим. Мы могли гулять по ночной Риге, сколько вздумается. Бандитизм не был нормой. К тому же мы пришли к моему дому и сидели у речки на камнях полночи. А на следующий день или через день договорились встретиться опять в Юрмале. Володя увлекался самолетами, но по состоянию здоровья его в летное училище не брали. Он великолепно учился везде. Я не могла понять, как это возможно. Он мне раскрыл секрет своей успешности: «Я в четвертом классе понял, что учусь не для родителей». В следующий раз в Юрмале к нам присоединился Саша Исупов (из того же класса). Я перешла на второй курс, а ребята — на третий, я ведь год упустила. Володя учился в ГВФ (гражданский воздушный флот), а Саша — в Питере в военно-морском училище.

Лето было волшебное, особенно, когда все экзамены были позади. Мы в Юрмале провели все лето. А еще: летом замуж вышла моя любимая подруга Танечка Свирина, и стала Тюриной. Нам было по 19 лет.

Как-то раз Володя пригласил нас с Сашей к себе домой. Это было уже в августе, когда все потихоньку готовились к новому учебному году. Мы посидели втроем. Пить было не принято. Мы почаевничали, и мальчишки пошли меня провожать. Мы еще полночи гуляли по Риге. Через два дня Саша уезжал в Питер. Мы пошли его провожать. С нами (не помню, каким мифом) оказался еще один персонаж из того же класса — Юра Морозов. Он ходил за мной тенью еще с 9-го класса, даже когда я ушла из той школы, он все равно звонил время от времени, доводил меня своим обществом. (Кстати, Юрка Морозов успел и за Таней приударить еще до ее замужества). Словом, Саша с Юрой были влюблены в меня, а я в Володю. Скорее всего, я Володе тоже нравилась, но видимо, надо было быть умнее и хитрее, и не показывать этого. Но я была влюблена! Эх! мне бы мою теперешнюю голову да в то время! но... увы... Сашу мы проводили, мне хотелось, чтоб Морозов исчез! А он ни в какую! Потом стал устраивать какие-то «представления»: падал на скамейку, что-то изображал — смутно помню — я поняла, что он не хотел меня оставлять с Володей. Хоть у меня-то были совсем другие планы на этот счет, но нагубить я — размазня — не могла. Тогда в очередной капризный закидон Юрки, Володя взял меня за руку и сказал: «Ира, пойдем. До свидания, Юра». И мы ушли, оставив Юрку в центре города на лавочке.

Володя проводил меня домой, но сразу не ушел. Мы еще долго, почти всю ночь, сидели во дворе и разговаривали обо всем и ни о чем. Я себя чувствовала рядом с ним абсолютно счастливой. Одного его присутствия мне было достаточно. Однако в глубине души я прекрасно понимала, что его отношение ко мне было совсем не такое, как мое. Объяснить я это не могла. Но интуитивно понимала. Под утро он меня поцеловал один раз, сказал, что позвонит, и мы разошлись по домам. Ни на следующий день, ни в другие дни он не позвонил.

Возвращаться в прошлое — дело зряшное:
пропасть протянулась на десятки лет:
между мной сегодняшней и вчерашнею
ветром времени каждый день отпет.

Как упряма молодость в заблуждениях,
Ей гордыню свою мудрено унять,
Ей бы силы устоять в искушениях...
Пронесется жизнь, не воротишь вспять.

Я разбрасывала камни по незнанию
И теперь ночами не могу уснуть —
Собираю их себе в назидание
И раскаяньем освещаю путь.

Все смотрю я на свое отражение:
Ах, если б заново мне жизнь начинать,
Не считаю эту мысль поражением-
Ничего бы в ней не стала менять.

2-го сентября всю нашу русскоязычно-немецкую группу в составе 17-ти человек отправили в Латгалию, в Аглону на сбор картошки, на месяц. Это было далеко — 5 часов езды от Риги. Так что мы были оторваны от всего цивилизованного мира. Жили и спали на соломе в

сельском клубе. Мы были молодые, нам все нравилось и даже этот сельский клуб. Готовили мы себе сами. Ту же картошку. Кое-какой провиант привозил бригадир Иван Жуков, который жил на этом отшибе с семьей. Условия у нас были не очень, но, если бы вы знали, какая там была волшебная природа! Озера, поля, леса... А вода в озере была мягкая, просто атласная на ощупь. Такой же после умывания становилась кожа лица. Мы честно отработали, еще лучше узнали друг друга, и еще крепче сдружились все. Глаза закрываю и вижу наше озеро, сельский клуб, в котором мы жили, и бескрайние картофельные поля.

28-го сентября нас привезли в Ригу. 1-го октября начались занятия в универе. У нас появился новый куратор: Резунова Элеонора Петровна! Ей было в то время 69 лет. Очень интересная дама. Когда она улыбалась, можно было себе представить, как она была красива в молодости. Наши занятия, конечно же, охватывали разные области человеческой деятельности. Элеонора Петровна знала много, но, если речь заходила о горном деле, она говорила: «Я в этом немного разбираюсь, так как мой первый муж был горный инженер...». Если какая-то еще профессия, то на сцену воспоминаний выходил второй муж, потом третий, с которым, кстати, мы имели честь познакомиться и были весьма удивлены. Я и моя одногруппница Рута решили сделать тематический вечер типа тогдашнего «Голубого огонька». Мы долго думали и пригласили к себе мальчиков из ГВФ. Я позвонила Володе и тоже пригласила его. Как ни странно, но он пришел. Он держался очень сдержанно, мне его поведение было непонятно. Элеонора Петровна заметила, что я веду себя как-то нервно. Она отозвала меня в сторону и сказала: «Ирина, никогда не показывайте мужчине, что он вам нравится. Послушайтесь моего совета». Какой там «послушайтесь»! Вечер закончился. Володя проводил меня домой. Во дворе он задержался и сказал: «Ира, ты очень красивая и очень хорошая, но ты не для меня. Обманывать тебя я не могу, воспользоваться твоей наивностью не смею». И ушел. У меня почва уплыла из-под ног. Я пришла домой, спряталась у себя в каморке, плакала и долго-долго не могла уснуть. Так прошла неделя. Потом другая. Разумеется, я сама звонить не стала. Зачем? Я была с гонором, но этот человек вил из меня веревки.

Волнообразное жизни течение
То бросит на гребень, а то в глубину,
Рождает во мне то восторг, то сомнение,
То счастье и радость, то боль и вину.

И все, что от Господа Бога дается
Беспечная юность, печаль и тоска,
Пройдет и уже никогда не вернется,
Лишь выступит солью на темных висках.

Наступило 7-е ноября. Мы должны были всем факультетом идти на демонстрацию. Свободы воли тут не было. Когда демонстрация закончилась, мы брели прямо по трамвайным рельсам в центре города целой компанией. И вдруг будто кто-то заставил меня посмотреть на тротуар. Я увидела Володю в компании друзей. Я не знаю, как это получилось, но я как зомби пошла к нему. Он стоял, улыбался, а я перед ним стояла и молча смотрела на него. И вдруг я услышала его голос: «Ира, пойдешь со мной?» Я, не задумываясь, ответила: «Да». Он слегка оторопел: «И ты не спрашиваешь куда?» Я так же серьезно сказала: «Нет». «Тогда я буду ждать тебя на остановке в семь часов». Я не шла домой, я летела по воздуху! Я привела себя в порядок и отправилась на свидание. А он не пришел. Вот тут со мной случилась настоящая истерика! Я пришла домой и ревела белугой. Лицо распухло, глаза покраснели, меня трясло. Через час

раздался звонок. Это был он. Мама пыталась мне запретить разговаривать с ним, но... Разве меня могло что-то удержать?!

Я не стала себя приукрашивать. Набросила пальто и вышла на улицу. Он уже стоял у нашего дома. Оказывается, после нашей встречи днем, они с друзьями пошли «по пиву», потом его закрыли дома снаружи. Поскольку там первый этаж, то он вылез через окно, когда проснулся, и пошел пешком к месту встречи, но я уже, естественно, ушла. Я поверила в его версию. Так мне было удобнее. Через час прогулки по воздуху, по снегу мое лицо пришло в норму, и мы прибыли на место, которым оказалась квартира его двоюродного брата. Там было 4 пары, плюс Яша Збинович из бывшего параллельного класса и мы с Володей.

Все было очень культурно. Володьку распирало от гордости: если меня просили сыграть что-нибудь на пианино — пожалуйста, поговорить о литературе — пожалуйста, об искусстве — пожалуйста, я только этим и занималась. Словом, сама того не подозревая, я получила поддержку от его родных и друзей. Он проводил меня домой только в 6 утра. Шли пешком. Острые вопросы не затрагивали. Никаких поцелуев. Чисто по-дружески. Я сама согласилась на эту форму общения. Через неделю мы поехали погулять по зимней Юрмале. Никто из нас не переступал грани дозволенного. Мы были друзьями. И потом не виделись больше полугода.

Не срослось, не сбылось, не случилось,
разминулось в потоке людском,
перепуталось и не сложилось,
проросло не во мне, а в другом

Не слюбилось, не спелось. Остался
только привкус досады в душе,
да мелодия дивного вальса
на любимом седьмом этаже.

В моей группе училась Света Камай, она была родом из Краславы. Очень приятная блондинка. За ней ухаживал Славик, который часто сопровождал нас на все вылазки и прогулки. Факультет иностранных языков находился в то время на улице Горького (теперь у нее другое название) и делил квадратную площадь с химическим факультетом, на котором учился Славка. Мы часто видели Славика с симпатичным парнем, который говорил со странным акцентом. Это был Шандор. Он был венгр. Жил на границе с СССР и Венгрией, родители были венгры и Шандор по-венгерски говорил блестяще, по-русски с акцентом, и мы часто подтрунивали над ним. Мы его звали Шони.

Шандор стал за мной ухаживать. Мы гуляли, когда позволяло время, ходили в кино, иногда даже вчетвером: Света со Славиком и я с Шандором. Так прошел почти год. Мне казалось, как это и выяснилось позже, что Шандор встречается со мной, чтобы заглушить тоску. Как, впрочем, и я. За это время я ни разу не видела Владимира. Мы с Шони не ссорились, но однажды он спросил меня, а не выйду ли я за него замуж? Эдак обтекаемо спросил. Я сказала, что мне надо подумать. Дело в том, что Славик рассказал мне о Наташе, первой его девушке. Я поняла, что у них просто вышла размолвка. Любила ли я Шони? Да нет (непонятное выражение для иностранца «да нет»). У современной молодежи возникает неизбежный для начала 21-го века вопрос: а было ли что-то между нами? Иногда целовались. И все. Второй курс подошел к концу. Сдали сессию и разъехались по своим городам и Славик, и Света, и Шони. Кстати, мы с Руттой написали интересный спектакль о нравах, поставили даже на сцене университета, использовали для вечера, на который пригласили разных людей. Получилось неплохо. Это были первые пробы пера.

Летом мне позвонил Володька. Просто так. Мы встретились и болтали, как всегда, обо всем и ни о чем. Он предложил зайти в гости к Андрею Елисееву. Тоже из бывшего класса. Предлог: Льва Яшина (знаменитейшего вратаря советской сборной по футболу) провожали на пенсию. Конечно, я пошла. После церемонии Андрюха куда-то исчез. Мы остались вдвоем. Володьке и в голову не могла прийти мысль, что я настолько неискушенный человек. Был уже час ночи. Он выключил телевизор и подошел ко мне. Встал у меня за спиной. Мне стало не по себе. Но я не повернулась. Тогда он резко развернулся. Сел в другом конце комнаты прямо напротив меня и стал мне читать нотацию о правилах поведения. Выглядело это приблизительно так:

— Ира, как ты могла пойти ночью неизвестно с кем в чужой дом?

— Я пошла с тобой, а не с неизвестно кем. Потому что знаю тебя.

Таким было начало разговора. Только много позже я поняла, что он хотел сказать. У него были давно женщины, а я, хоть и любила его, но «до смерти» боялась интимных отношений. Воспитание такое было. Он этого понять не мог. Этого многие не понимали. Мы еще немного поговорили на темы о поведении, и он опять меня проводил домой и не появлялся год.

А лето перед началом третьего курса прошло в компании моих одногруппниц: Светы Лазаревой и Леокадии Ваверовой. Последнюю мы звали просто Ия. Как всегда, готовились к экзаменам в Юрмале. Море и сосны, хорошая погода, что еще надо? Однажды, правда, мы попали под проливной дождь: прятаться от него было бесполезно. Воды было столько, что она с проезжей части поднялась и залила тротуары. Дождь был теплый, но в воздухе ощущался холодок. Мы ничего лучше не придумали, как сесть на проезжую часть, благо машин не было. Головой легли на поребрик тротуара, а сами погрузились в теплую воду небес, которая водопадом лилась на асфальт, и грелись, потому что вода была теплее воздуха. Парочка прохожих посмотрела на нас, но без осуждения, скорее с завистью, я бы сейчас этого делать не стала, а тогда это было органично возрасту.

В сентябре нас опять отправили на сбор картошки. Это было уже поближе к Риге. Условия получше. Готовила нам повариха-хозяйка, у которой мы квартировали в двухэтажном кирпичном доме. Было интересно, как всегда, весело и незабываемо.

В молодости картинки быстро меняются. Поклонников было без счета, а вот тот единственный не приходил. Не помню, как получилось — не важно как — мы познакомились с ребятами из военного училища. За мной стал ухаживать Саша Теплицкий. Это был образованный, интеллигентный молодой человек, достойный всяческих комплиментов. Но мне нужен был другой. И этот другой должен был сам проявить активность, а не я. Я смирилась с тем, что мы останемся друзьями с Володей. На моем горизонте появилось много интересных молодых людей, но все они были будущие военные. Мама меня предостерегала, говоря, что я никогда не впишусь в военный городок, если «выскочу» за кого-нибудь из них замуж. Внезапно, и не помню, кто и когда, меня познакомили с Юрой Макаровым. На первый взгляд Макаров казался высокомерным, и это так и было. Но он мне понравился, хотя под Рождество я гадала «на сон грядущий» и мне приснился мой будущий муж: характерные черные брови «с изломом», какие встречаются не часто, и серые глаза. Я отчетливо видела лицо и особенно глаза. После Рождества я с месяц разглядывала всех, кто со мной знакомился, но такого лица не было. Когда появился Юра, я посчитала, что все это ерунда. А зря.

Мне очень много дали в жизни родители и друзья. У всех я чему-то училась интуитивно. Тянулась обычно к тем, кто больше меня знает. Не боялась показаться глупой, вот этого стеснения у меня точно не было. Поэтому и впитывала все, что мне давали другие. Однако причиной размолвки с Юрой послужил вот какой повод. Это был 1972 год. Юра был из состоятельной семьи. Отец его тоже был военный, жили они в Москве. Вряд ли меня можно было назвать завидной партией. Когда мы ходили с ним в театр, я выглядела весьма презентабельно. Да! Совсем забыла: однажды мы пошли с ним на «Лебединое озеро» и встретили во время

антракта Лиду Камай (сестру Светы), она училась на филфаке курсом младше нас. Она была с молодым человеком. По непонятной мне причине Лида мне стала рассказывать историю своих отношений с Мишей (молодым человеком) и каким-то Сергеем Назаровым, который ей морочил голову и уходил потом «в тину». Вроде, как и Володька со мной. Я была всегда в курсе развития этих отношений и поневоле сравнивала с ней свои поступки и ошибки.

Однажды, после длительной прогулки с Юрой по морозу (был февраль), мы зашли к нам домой. Я сразу поняла, что сделала что-то не так. (А теперь думаю, что сделала все правильно). Юра был разочарован небогатой обстановкой, старенькой квартирой, а я сама превратилась в его глазах в мачехину Золушку. Оказывается, я сама по себе не была для него ценна. Мы посидели за чаем, и Юра ушел. Больше он мне не звонил. Я переживала, но даже не из-за этого, а потому, что считала, что я сама ущербна. У меня и так был комплекс и не один еще с самого детства, а тут и по жизни не везет...

Сергей

Пришла весна. С ней пришли перемены. На 29-е апреля я получила сразу два приглашения на свадьбу: одно от Светы Камай, а другое от Дины Ридингер, которую мы познакомили с Сашей Теплицким, и они в первый же день знакомства решили пожениться (кстати, живут вместе до сих пор). Мне предстоял выбор: у Светы на свадьбе встречу Шандора, у Дины — Юрку. Я решила в пользу Юрки, потому что это было в Риге, а к Свете надо было ехать далеко. Да и хотелось с Юркой все точки над *i* поставить. Перед тем как прийти на свадьбу, я специально заехала к приятельнице Ирине, которая взялась мне делать макияж. Лицо у меня было все в пудре под загар, волосы подобраны вверх, тени на глазах бирюзовые, платье синее блестящее... Кра-са-ви-ца! Нас всех посадили за столы. Юра сидел рядом со мной, но ни слова не проронил, как будто мы не знакомы вовсе. Зато прямо напротив меня сидел какой-то веселый молодой человек и старался привлечь мое внимание. У него были серые глаза в опущке из черных ресниц и челка, которая закрывала весь лоб. У него была красивая белозубая улыбка. Он, видимо, пользовался успехом у противоположного пола. Но мне было не до него. Мое самолюбие было задето. Потом начались танцы. Молодого человека звали Сергей. Он без конца меня приглашал на все танцы и сказал мне во время одного из них: «Ты по сторонам не смотри. Тебя больше никто не пригласит». Я удивилась, на что последовал ответ: «Я всех предупредил, чтоб к тебе никто не приближался». Ох, и злая же я была! Потом, после свадебного вечера он пошел меня провожать. Остановил какую-то машину, и мы поехали, только в машине все время все говорили по рации. Когда нас доставили к моему дому, я спросила, что за странное такси, он ответил, что такси не было, мы доехали в милицейском «воронке». Потом у нас завелся разговор на разные темы, и мы стояли на крыльце и общались. Парень оказался неглупый. Мне хотелось выговориться, пожаловаться на судьбу, но он не слишком меня успокаивал, скорее наоборот: «Ты тут плачешься, думаешь, у тебя одной все идет наперекосяк? У всех свои проблемы. Хочешь, я тоже тебе расскажу историю, в которой никто не может разобраться?». И он начинает мне рассказывать про Лиду с Мишей, только со своей колокольни. Я не могла ушам своим поверить! Когда он замолчал, у меня просто вырвалось: «Так ты Назаров?!» Тут наступила его очередь: «Да что ж у вас за университет?! Сплошные сплетники...» и все в таком духе. Я с трудом заверила его, что это просто совпадение, что Лида рассказывала почему-то только мне, что мы учимся в одной группе с ее сестрой и т. д. Вроде убедила.

Я вдруг поняла, что мне интересно с этим человеком, что первое впечатление было ошибочным. Как и у него. От нечего делать, и еще потому, что следующий день был выходной, мы договорились встретиться у памятника Свободы и пойти прогуляться.

Я пришла в светло-сером пальто, в туфлях на платформе (модно было), свою прическу распустила и сделала два хвостика, как у Чебурашки. Я вообще не умела обращаться тогда со своими волосами. По словам Сергея, он оторопел, т.к. после вчерашней «мадам» увидел «ничто». Деваться было некуда, и мы поехали в Юрмалу погулять. Все было бы хорошо, но вдруг через час мы пересеклись с компанией Макарова, которая тоже гуляла по Юрмале. Настроение у меня испортилось окончательно. Мне эта встреча была неприятна. Я не сумела этого скрыть. Сергей взял меня за руку и сказал: «Я все понял. Пошли». Проводил меня на станцию, посадил на электричку и ушел. Это было 30 апреля.

Вытекает обида слезами,
Почему же от горя и бед
Мы добрее становимся сами,
И бескровного выхода нет.

Вроде все мы идем по дороге,
И порою след в след норовим,
Но один добредет до острога,
А другой из отчизны гоним.

И всю жизнь из нутра подсознания
Сотни разных звучат голосов,
Обольщают, зовут к покаянью,
Колыхаясь на чашах весов.

На следующий день я решила встретиться со своей давней подругой Таней Виноградовой. Я ехала из одного конца Риги к вокзалу, она — из другого конца. Однако все дороги были перекрыты. Пришлось ехать на электричке в обход. Я приехала вовремя, а Таня где-то застряла. Я ждала почти час. Потом пристроилась к демонстрации трудящихся и пошла в общем строю. У меня было настроение «а нам все равно..!». Потом колонны демонстрантов от меня отстранились, и я оказалась между двумя колоннами, как Чапай на белом коне. На мне было то же светлое пальто, нараспашку. Белая блуза и красный сарафан. Волосы распущенные. Очень живописно. Мне было все равно. С Сергеем поругалась, с Юркой не помирилась, с Таней не встретилась. Но я по дороге вспомнила, что все военное училище стояло в оцеплении на набережной. Однако в форме для меня все курсанты были на одно лицо. Мы подошли к набережной. Я решила похулиганить. А что мне оставалось делать? Я перестроилась и пошла со стороны, которая была ближе к оцеплению. Я пыталась найти Сергея глазами. Тут меня под руку взял незнакомый парень: «Девушка, меня зовут Никита. Я без пяти минут инженер. Выходите за меня замуж». Я понимала, что это шутка, но сказала: «Ага. Только мне сначала надо найти одного человека». Тогда мне Никита показал на Сергея и спросил: «Уж не этого ли сердитого?» Скажите, разве может быть столько совпадений за такой короткий срок со стопроцентным попаданием? Я рот открыла от удивления. Но мое тогдашнее состояние не знало слова «нет». Я остановилась перед Сергеем и показала, что буду ждать его под часами в центре города. Он знал это место. Я с демонстрацией пошла дальше. У меня созрел план.

С набережной демонстрация повернула за угол, и в Старой Риге все разбелось. А я решила пройти через милицейские кордоны и дойти до оцепления. Зачем? А не знаю. Вот так решила. Я прошла через несколько заграждений, меня пропускали, но «последний заслон» мне объяснил, что даже, если я пройду, то все равно дальше не пропустят КГБ-исты. Это было уже серьезно. Мы зацепились языками и где-то час разговаривали. Так случилось, что мимо проходил один из курсантов летного училища. Мы с милицией попросили его передать стоящему в оцеплении Назарову, что его ждут именно на этой улице, т. к. выходов в Старую Ригу с набережной было много. Когда «торжества» закончились, Сергей один прошел по тому переулку, где стояла я. Я попрощалась с милицией, Назаров к тому времени оттаял, и мы поехали к нему в общежитие, чтоб он переоделся в гражданку.

Я сидела на лавочке перед его корпусом и ждала его. В это время из окна высунулся Макаров и крикнул: «Ира, поехали в Юрмалу!» Это было последнее, что я слышала от Юры. Он исчез так же внезапно, как и появился. Оказывается, как это выяснилось позже, его стащил с подоконника Назаров. Через три минуты Сергей появился, красиво одетый в «гражданку», и мы поехали на квартиру к тете Зое, которая на тот момент была в больнице. Мама была в командировке. С отчимом мы повздорили, так что меня никто не ждал.

По дороге мы купили бутылку сухого, шоколад и апельсины. Когда мы вошли в квартиру, я увидела ванну, полную белья. Перестирала, а Сергей готовил у плиты глинтвейн. С

хозяйством управились и сели отмечать праздник. Сергей меня удивил тем, что не приставал, вел себя прилично. Но еще больше его удивила я: судя по моему виду на свадьбе, он решил, что перед ним весьма доступная девушка. Он был удивлен, понимая, что ситуация сложилась строго противоположная. Я не только была целомудренна, но даже слишком целомудренна. Я не знала, как ведут себя девушки наедине с парнями. В кино видела, на практике не только не знала, но панически боялась мужчин. Сергей это понял. Я не ожидала от него такого такта. В спокойной обстановке я его разглядела. Он был не просто симпатичным. Он был красивым. Я стала присматриваться к нему. Два следующих дня он приезжал ко мне после занятий в форме, которая была ему к лицу. Я тоже приходила домой после лекций. На третий вечер решила сделать что-нибудь поесть и жутко пересолила рис. Как исправить эту оплошность, я не знала. И насыпала в рис сахара. Он стал горьким. Но времени на магазин и прочее у меня не было. Сергей пришел, съел все, не моргнув глазом. Наверное, есть хотел. Но запомнил эту кашу на всю жизнь, как он потом сказал. Перед уходом к себе он стоял перед зеркалом и причесывался. Отбросил со лба челку, и я увидела лицо, которое видела 4 месяца тому назад во сне. У меня непроизвольно вырвалось: «Назаров, а ведь ты на мне женишься!» Он посмотрел на меня с полуулыбкой, попрощался и ушел. Ничего не сказал. Но для меня все было ясно. Осталось только понять, что он был за человек. Ухаживал Сергей красиво. Я только много позже поняла, что он бросил все силы на то, чтоб покорить меня: он покупал мне цветы, дорогие конфеты, интересные безделушки и ничего взамен не требовал, а просто приручал меня. У него получалось. Я стала к нему привыкать. Была еще одна важная деталь в его поведении. Мы договорились однажды встретиться, но у меня дома он никогда не был. Мы же встречались у тети Зои. Не предупредив меня, он пришел в наш старенький дом, ведь он провожал меня только до крыльца. Я гладила белье, собиралась одеваться. Я оторопела и страшно смутилась. Он все поставил на места одной фразой: «Не смущайся, я знаю, что не у всех одинаково шикарные условия проживания. Мы и сами долгое время жили стесненно, пока не переехали в Новгород». У меня как будто валун с души скатился. Это был огромный плюс в его пользу, не считая того, что он терпеливо ходил со мной по театрам, музеям, выставкам.

Однажды он мне сказал, что в начале июня их курсантская группа едет с ночевкой в поход, что там будут и Миша с Лидой. Как я на это смотрю? Я сказала, что тоже поеду. Он удивился, но согласился. За день до отъезда я должна была сдать экзамен. К нам на этаж поднялась Лида и сказала: «Представляете, мой Назаров поедет с какой-то кралеи!». Я не знала, что сказать, как себя вести и промолчала. Завтра наступило.

Отправление было с Юглы на маленьком парходике. Мы пришли с Сергеем первыми и ждали появления остальной компании. Наконец, появились Лида с Мишкой. Лида была в черных очках... Она села напротив нас, сняла очки и сказала: «Как в хорошем анекдоте». Больше мы не разговаривали, но через год или два, будучи уже в законном браке, мы вчетвером ходили в кафе и вспоминали этот случай с улыбкой.

А пока речи о женитьбе еще не шло. Мы вернулись из похода, и жизнь пошла своим чередом. Мы часто виделись с Сергеем. Я к нему привыкла и даже влюбилась. Однажды он вдруг исчез с горизонта. Мобильников в то время не было. По телефону стационарному не всегда можно было дозвониться. Я ломала голову, что могло случиться. Мне позвонила Света Лазарева, мама которой работала медсестрой в лазарете военного училища, и таким странным голоском спросила меня: «Ты почему молчишь, что ты выходишь замуж?» Я была в ступоре.

— За кого?

— Да за Сережу Назарова.

— В первый раз слышу. Откуда такая информация?

— От него самого. Он моей маме сказал. Ты не знаешь, что он лежал в лазарете?

— Нет.

— Моя мама, увидев его, воскликнула, что он очень молоденький мальчик. На что он ответил, что он не такой уж молоденький мальчик, что он скоро женится.

Я не очень-то поверила. Но на следующий день мне позвонил Сергей и рассказал о своей болезни. Но про женитьбу молчал. А я и не спрашивала.

Зачем? Сам скажет, если надо. Потом я познакомила Сергея с родителями. Он произвел на них очень хорошее впечатление. Сергей, как оказалось, в самые важные переломные моменты поразительно умел владеть собой. Время экзаменов прошло. Я перешла на 4-й курс. Сергей — на 5-й. Потом у нас была педагогическая практика. Мы с Лазаревой Светой отбывали ее в пионерском лагере в Юрмале. Почти два месяца мы пробыли в Асари, откуда я когда-то сбежала со слезами. Теперь монада перевернулась. Нам было со Светой хорошо там. Общий язык мы нашли быстро со всеми детьми, которым было по 14—15 лет, а также и с руководством. Сергей тоже уехал на практику куда-то далеко. Мы писали друг другу письма. В конце августа он вернулся и сразу приехал ко мне в Юрмалу. У нас был прощальный вечер. Каждый должен был что-то сделать. Я спела очень красивую песню на латышском языке под собственный гитарный аккомпанемент. Получилось неожиданно хорошо и душевно. Народ был в восторге. Потом был прощальный ужин, и все разъехались по домам.

Мы поехали на Кипсалу. Сергей остался у нас ночевать. Через день он уехал в Новгород. Я собрала ему большущий букет астр с нашего огорода. Перед отъездом он сделал некий намек на женитьбу. Но мне надо было, чтоб все было четко и официально. Я проводила его в аэропорт. В первые же выходные перед первым сентября мне позвонил Володька, и мы снова поехали в Юрмалу. Я рассказала ему, что собираюсь замуж. А он мне рассказал о том, что собирается жениться. Рассказал, что познакомился с ней в Молдавии, где был на практике. Странные у нас были встречи. Когда он меня проводил домой, он вдруг сказал: «Ира, я хочу тебе дать совет на будущее, на всю твою жизнь — твой муж должен жить с осознанием того, что ты в любой момент можешь от него уйти». Вот тогда я поняла характер этого человека. Вскоре он получит от меня обратку. Через шесть лет.

Когда страстей слепое пламя,
сжигая волю, рвется в кровь,
жар страсти властвует над нами,
однако, это — не любовь.

Страсть отбушует и угаснет,
она — иллюзия, мираж,
обман, хотя бы и прекрасный,
но, по большому счету — блажь.

Способное гореть — сгорает,
не стоит пепел ни гроша,
и лишь любовь не умирает,
любовь бессмертна, как душа.

Шел 1972 год. Сентябрь подходил к концу. Танечка Тюрина родила мальчика, его называли Сережа. Она была прекрасной мамой. Вся такая домашняя, уютная, заботливая. Наш общий друг Ягодка по возвращении из армии тоже женился. У него была очень хорошая жена Рая, но Ягодка был женолюб, и женщины в его жизни менялись, как кадры на фото пленке. И поверьте, он со всеми спал и всех любил. Он сам научился играть на гитаре. Гитара в его руках была

продолжением его самого. Голос у него был слабенький, но как исполнителю-гитаристу ему не было равных. Мы все поголовно удивлялись, почему он не играет на профессиональной сцене. Ответа нет до сих пор. В те времена, нужны были документы, подтверждающие твой профессионализм. Правда, был один случай, когда его пригласили работать в театре «Ромен», но Рая не хотела уезжать из Риги в Москву. А зря. Через 20 лет все изменилось. Я потеряла с ними связь и горько сожалею об этом.

Когда Сергей вернулся из Новгорода, он сказал, что готов на разговор с моими родителями. Мы пошли с ним в центральный универмаг и купили бутылку коньяка. Ему не хотели продавать и даже стыдили, что такой подросток пришел за бутылкой. Он выглядел молодо очень-очень долго. Ему пришлось показать документы. (Однако за этой юной внешностью скрывался железный характер. Но мне было с ним хорошо тогда. Он мог быть вспыльчивым, но быстро отходил. В интимном плане был очень тактичным и ласковым). Наконец, мы пришли к нам домой. Накрыли стол и стали беседовать. Отчим говорил обо мне правду, дескать, готовить не умеет, бесхозяйственная, «кот в мешке», «где залезешь, там и слезешь» и т. п. Я была удивлена, впервые поняв, что мои родные меня совсем не знали. Согласитесь, странная характеристика для невесты во время сватовства, не правда ли? Но Сергей стоял на своем. Я думаю, что он вообще не думал о серьезности своего поступка.

Не прошу ни участия, ни жалости,
понимаю, что не до меня,
всем с лихвою хватает усталости
в передрыгах минувшего дня.
Всем с лихвою хватает немилости,
от природы, своих, и чужих,
лишь бы силы хватило все вынести,
чтоб хватило тепла на двоих.

Мы подали заявление на 7-е марта 1973 года. И тут же начали ссориться. По пустякам. Мне бы плюнуть на все и уйти, разорвать отношения, но что скажет общественность? А я была слабая и зависимая, к тому же меня бы никто из родни не поддержал. Но главное было не это — я все-таки любила этого человека, все ему прощала и привязывалась все сильнее с каждой секундой. Впоследствии меня закаляла жизнь. Сходились и расходились, ссорились и мирились, но оба любили. Почему мы не расстались? Наверное, много было сдерживающих факторов. Обо всем по порядку.

Мы расписались 7-го марта, свадьба была дома. Были самые близкие друзья и родственники. Приехали родители Сергея. Я поняла с первого взгляда, что мать его меня никогда не примет. Я пыталась подобрать к ней ключ и все же не сумела. Мы были с разных планет. Она поставила стенку. Мои тетушки поняли это сразу. Тетя Зоя ушла в разгар свадьбы со словами: «Мне жаль Иру». Ведь мы с Сергеем успели поругаться сначала в загсе, а потом и вовсе дома за столом.

Отец Сергея был более дружелюбным, но вспыльчивым. Через два дня они уехали в Новгород, и пригласили нас на повторную свадьбу, уже в Новгороде. Мне очень не хотелось ехать, тем более что Сергей мог приехать только через сутки. Меня сопровождали отчим и тетя Гая. Когда мы приехали в Новгород, то не пошли сразу по указанному адресу, а решили посмотреть город. Я была в полном разочаровании! Это было совсем не похоже на Ригу! Я расплакалась и ни в какую не хотела идти к Назаровым. Родичи уговорили.

Родители Сергея и его младший брат Саша нас приняли радушно. Но я сразу поняла: здесь процветал домострой и, как следствие, культ еды. У меня было другое воспитание, если быть точным, то никакого не было. На следующий день приехал Сергей. Собрались гости, зна-

комые, родственники. Все меня разглядывали, естественно, и удивлялись, что у Сергея жена с такой экзотической внешностью. Ожидали нечто более «русское». Что делать, не вышла лицом в маминих предков. На свадьбу в Новгород приехал из Днепропетровска дед Сергея, отец его матери, Филипп Максимович. Фигура, скажу я вам, колоритная. Я не ошиблась: интуитивно поняла, что личностью он был незаурядной. Была в нем мужская харизма, чувствовались сила и полное отсутствие мелочности. Сергей сидел как на иголках, как будто боялся уронить свое достоинство. Радости от свадьбы — что в Риге, что в Новгороде — я не испытала.

Потом начались будни. Новые обиды. Однажды он мне сказал, когда мы в очередной раз повздорили: «Я бы на твоём месте развелся». Но я не могла этого сделать по многим причинам: неудобно перед общественностью, перед родителями, втайне теплилась надежда, что все изменится, если мы начнем жить самостоятельно и независимо. Я ведь не всегда была в таком угнетённом состоянии духа. Характер у Сергея был не сахар, но и я, пожалуй, тоже была не подарок. Понимание приходит с годами. Я росла в богемной среде. Мне ближе были искусство, литература, музыка. Иногда Мирон Моисеевич (бывший учитель музыки) приглашал нас на свои сольные концерты в филармонию, куда мы с удовольствием ходили. Частенько присоединялся к нам Ягодка, если у него не было очередной дамы сердца. Сергей жил в абсолютно дружной обстановке. Я по молодости это не учла. Какое-то время он тянулся к моим увлечениям. Но постепенно военный стал брать в нём верх над просто человеком. Я в то время не знала про психологию поведения. Книги на эту тему появились гораздо позже. Много могло сложиться иначе. Но, что было, то было. У каждого человека есть скелет в шкафу, а то и десяток.

Как много было планов и мечтаний,
Страстей кипучих, горестных обид...
Из подсознания смерч воспоминаний
Их вырвет силой, когда тело спит.

И пробужденье будет нездоровым,
Задушит совесть, обожгут грехи,
И на рассвет, забрызганный багровым,
Прольются невеселые стихи.

В то лето родители купили машину — «Москвич» 408. Тогда эта машина выглядела очень современно. Владельцев личного транспорта было в те времена немного. Сергей после свадьбы жил у нас, но кое-какие вещи были ещё в общежитии. Мы с отчимом и Сергеем поехали туда забирать его вещи. Из окон выглянули все наши знакомые. Это было приятное чувство реванша. Я ведь стала иначе одеваться. Мама, которая считала, что надо покупать одежду тёмных цветов, изменила своё отношение, и у меня появились модные вещи, которых не было в магазинах. Все приходилось доставать с переплатой.

Подходило время распределения. Мне остался последний год учебы. А Сергея отправляли в Узбекистан на место службы. Я даже не раздумывала, перевелась на заочное отделение. Мне остался экзамен по английскому, один зачет по педагогике и написание диплома. Диплом мой был по роману Фейхтвангера «Успех». Сначала я просто расстроилась, не нравилась мне эта тема: приход Гитлера к власти. Но постепенно я втянулась, и мне стало нравиться то, что я делала и читала. Я и сейчас считаю, что мне повезло с этим произведением. Однако это удовольствие я растянула на два года. Мои одногруппники сдали госэкзамен, но без написания дипломной работы, а я... вот так. Несмотря на то, что я жила далеко от дома, мне на уступки руководство университета не пошло. Я приезжала зимой из-за одного предмета — английского,

летом — из-за педагогики, а к следующему лету — защищать диплом. А в эти два года в моей судьбе произошли колоссальные перемены.

Узбекистан

Перед тем, как поехать в Узбекистан, куда Сергея направили на службу, мы отправили контейнер по месту назначения. Там были нехитрые пожитки — палас, диван, швейная машинка, стиральная машинка первого образца, холодильник, посуда, 50 книг и одежда. Наш путь до УзССР был извилист. Мы поехали в Днепропетровск через Киев. Все как в тумане. Однако Днепропетровск мне понравился, он был абсолютно не западный город. Немного непривычно. Остановились у Сережиного дяди Андрея. Его жена Маша и двое маленьких сыновей, Володя и Сережа, приняли нас хорошо. Особенно Маша. Через два дня мы отправились к деду в село Волоське. В то лето на Украину обрушилось нашествие божьих коровок. Мы шли через кукурузное поле, а листья были буквально черно-оранжевые от этих насекомых, которые, кстати, чувствительно кусались. Хозяйство деда мне показалось огромным. Оно располагалось на берегу Днепра. Дом стоял на возвышенности, а по склонам до самой реки шли посадки черной смородины. Участок был очень большой. Вокруг него не было забора, просто росли вишневые деревья. Вообще плодовых деревьев было много. Все, что растет на Украине, было у деда. Он ни минуты не сидел без дела. Бабушка готовила обед, потом ложилась отдыхать, а он занимался хозяйством. Мы пробыли там недолго. Дальше наш путь лежал в Ростов-на-Дону. Потом в Таганрог к родной тете Сергея — Марусе. Таганрог не произвел на меня впечатления. Может быть, я была не в том возрасте, чтобы оценить?

Азовское море в Таганроге мелкое. Я тосковала уже по Риге и Юрмале. Потом мы полетели в Самарканд. Когда мы вышли из самолета, было 23 часа, темно, температура в городе +28 градусов. Я не ожидала, что к ночи может быть так тепло. Мы сели в рейсовый автобус и поехали в город Каттакурган, туда, где располагался военный городок. Мимо нас проносились странные дома, какие-то закрытые дома-крепости. Я чуть не завопила от неожиданности, когда увидела на улице человека верхом на ишаке. Потом я к этим зрелищам привыкла, и они меня уже не радовали и не удивляли. Наконец, мы добрались до места назначения. Нашли офицерскую гостиницу. Нас поселили в двухкомнатном номере на втором этаже. Только мы уже готовились уснуть, как к нам подселили соседей — это были Лариса и Алик Прохницкие. Мы познакомились и устроили ночь знакомства. Сидели за столом, накрытым «чем Бог послал». Лариса была родом из Ленинграда, Алик... из Новгорода. Все складывалось неплохо. На следующий день мальчики пошли по своим делам, а потом мы вместе отправились на базар, как же без этого! Я такого изобилия фруктов не видела в жизни! Глаза разбегались. Вдруг Сергей увидел еще одно знакомое лицо: это был Володя Кривцов. Они учились в Риге вместе в одном училище, но на разных факультетах. Там не общались, а тут...! Это были наши первые друзья на чужбине. Володиной жене Тане было всего 16 лет, она даже 10-летку не окончила. Я такой глупости не понимала, но... Каждый по-своему с ума сходит!

Мы были неразлучны. Нас даже называли НПК (Назаровы, Прохницкие, Кривцовы). Вскоре к Кривцовым приехала Володина мать и купила им телевизор. Так что иногда мы ходили к ним вечером смотреть кино. Самая хозяйственная из нас была Лариса. Она все умела делать по дому. Самая равнодушная к хозяйству была я. Но даже я, избалованная городом Ригой, как, впрочем, и Таня, удивлялись красивым вещам, которые можно было купить в Каттакургане, особенно после сезона сбора хлопка. Узбекистан торговал хлопком с Европой, а оттуда получал бартером трикотаж, косметику, галантерею, обувь, кожу и многое другое. Было среди этого изобилия и чешское стекло. Даже сейчас, когда уже 20 лет прошло от 21-го века, я такой красоты больше не видела. Разве что в музее. Для местных жителей этот товар не представлял интереса. Женщины ходили в своих национальных одеждах. Самым шиком считалась иранская парча, хан-атлас и другие мудреные ткани. В магазинах можно было свободно купить золотые ювелирные изделия, в то время как в Риге золото доставали по благу. Но мы

были равнодушны к золоту. (Золотые зубы считались шиком у узбеков). Был в городе парк, куда мы иногда ходили на шашлыки и «по пиву». В Риге я пиво не пила, а тут за компанию, да в жару... очень даже ничего. Так пробежал незаметно август. Сергей уезжал на работу, я оставалась одна. Мне было очень грустно каждое утро, когда я его провожала, я даже иногда плакала — не хотела расставаться. Дома, приладив бумагу на стену, я рисовала. (А еще у нас часто прыгали по квартире мыши. Я их никогда не боялась, это ведь не змеи. А в ванной жила лягушка. Ванная не работала, все надо было чинить и красить.) Август был еще к тому же очень жарким месяцем. На базар в выходные мы выходили рано, часов в 6 или 7, позже просто невозможно было находиться под солнцем. Я дважды падала в обморок, со мной всегда был валидол. Короче, мне после латвийской сырости было очень тяжело в том климате.

Наступил сентябрь, и я, глядя на других, тоже решила заняться заготовками. Купила эмалированное ведро, капусту, морковь, соль и, не глядя в рецепт, стала делать капусту на зиму. На это ведро я израсходовала полторы пачки соли. Довольная своим подвигом, я легла спать. Сергей был на дежурстве. Утром я попробовала капусту. Не буду описывать свое удивление и досаду. Она была несъедобна, тогда я решила ее промыть. Она получилась как тряпка... и на вкус тоже. Пришлось выбросить. Я стала читать поваренные книги. Постепенно научилась готовить, делать заготовки, даже выпекать пироги. Вот такой у меня был дебют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.